

регли все, что накоплено вѣками, съ уваженіемъ къ человѣческому труду и человѣческимъ страданіямъ... Надо посмотреть на эти войска, тревая, скромныя, привѣтливыя, когда какой-нибудь солдатикъ цѣлый часъ торгуется въ еврейской лавчонкѣ изъ-за полтинника...

Таковы побѣдители и побѣжденные...

Вечеромъ на улицѣ Кароля Людовика—людно... Шляпки и слишкомъ сверкающіе глаза, слишкомъ бѣлыя лица, слишкомъ яркія губы... Между ними оживленныя, молодыя мужскія лица...

Въ Львовѣ, какъ и во всей остальной Россійской Имперіи—не только, водки, но и вина, ни пива... Строго запрещено... Бахусъ, жалко корчась, умираетъ... Но Венера... Венера выжила—это женщина выносливая...

На поляхъ минувшихъ битвъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Восемь часовъ бѣды въ потрясающей, своими размѣрами, грязью и громыханіемъ брочкѣ, сверху упорный, мелкій, холодный дождь, внизу ухабистая слякоть вмѣсто дороги, вокругъ мокрая пустыя поля, позади повсюду въ лѣсахъ, по живьямъ, на буграхъ и вдоль дорогъ окопы, окопы, окопы, бѣлыя жестянки отъ консервовъ, тряпки, обрывки платявъ, разстрѣлянные снаряды, разбитыя, опрокинутыя повозки бѣжавшихъ австрійцевъ, близъ сожженныхъ, разгромленныхъ неприятелемъ селъ, гдѣ на мѣстѣ хать торчатъ тощія обгорѣвшія трубы, женщины и дѣти, протягивающія руки за милостыней, а впередъ цѣлая ночь ожиданія поѣзда на маленькой станціи—не весело.

Наконецъ, въ сумерки въ первый разъ послѣ семи дней скитанія я увидѣлъ вновь плотно желѣзной дороги. Просидѣть хотя бы всю ночь на теплой и чистой станціи, пожалуй, не такъ ужъ и плохо.

Усталыя влячи ввели меня, наконецъ, въ мѣстечко; нѣсколько сожженныхъ домовъ, нѣсколько лавченокъ, скудно освѣщенныхъ керосиновой лампой, бородачъ еврей, переходящій улицу, поднимая пыль, по липкой грязи—вотъ и все. Неподалеку отсюда было генеральное сраженіе. Австрійцы съ послѣднимъ отчаяннымъ усиленіемъ хотѣли прорваться на сѣверовостокъ сквозь линію нашихъ войскъ. Говорятъ, что тогда на много верстъ вокругъ дрожала земля и гудѣлъ воздухъ такъ, что трудно было говорить.

Наконецъ, миновали мѣстечко; вдоль шоссе тянулось еще нѣсколько домовъ, на послѣднемъ была вывѣска гробовщика, я поглядѣлъ въ освѣщенную лавочку—гробовщикъ сидѣлъ за прилавкомъ и продавалъ французскія булки двумъ промокшимъ солдатамъ, въ накиннутыхъ брезентахъ.

На маленькой станціи, дѣйствительно, оказалось тепло, но вѣтъ, кромѣ чая, было нечего. За столомъ, освѣщеннымъ единственной свѣчкой, сидѣли офицеръ, сонный и не бритый, и черный, некрасивый господинъ, который послѣ оказался польскимъ помѣщикомъ. Я обратилъ вниманіе на его глаза—они то вспыхивали, тогда по лицу проходила дрожь, то вновь потухали, должно быть онъ былъ очень возбужденъ или пережилъ ужасъ.

Я выпилъ чаю и пошелъ побродить. Дождь пересталъ; было сыро и темно. Мнѣ хотѣлось представить весь шумъ сраженія нападающія, бѣгущія войска, мнѣ казалось, что ни о чемъ иномъ не могутъ думать здѣсь на маленькой станціи, свидѣльницѣ страшныхъ событій.

Я подошелъ къ двумъ желѣзнодорожнымъ служащимъ. Они стояли подъ фонаремъ, бесѣдуя; неподалеку отъ нихъ ходилъ бѣлый гусь. „Хорошій гусь“,—сказалъ одинъ служащій. „Онъ не элѣшний“,—отвѣтилъ другой,—воръ его несъ, должно быть, да потерялъ, смотрю, онъ летитъ прямо на фонарь, да какъ высоко летѣлъ“. „Привязать его за лапochку до утра“,—сказалъ первый, и они не спѣша пошли за гусемъ, пока не скрылись за темными деревьями. Я вернулся на станцію.

Первымъ разговорился помѣщикъ. Онъ ѣхалъ въ Кіевъ за тяжело раненымъ своимъ братомъ:

— Я и самъ сильно боленъ, — сказалъ онъ,—всѣ нервы мои потрясены, едва себя сдерживаю. Имѣніе мое подъ Травниками, мы все это слышали, все видѣли собственными глазами; когда началось первое сраженіе, я не считалъ возможнымъ сидѣть безъ дѣла и записался санитаромъ въ полевой госпиталь польскаго Краснаго Креста. Приѣхалъ на мѣсто утромъ, на разсвѣтѣ; госпиталь разбили среди ровнаго поля,—верстахъ въ трехъ отъ лѣса. Едва только вышло солнце, какъ изъ-за лѣса долетѣлъ тяжелый грохотъ выстрѣла, за нимъ сейчасъ же раскатилось еще нѣсколько, все чаще, сильнѣе, громче и черезъ нѣсколько минутъ дрогнула земля, загрохотала весь воздухъ, точно отъ неимовѣрнаго шума телѣгъ по мостовой; у меня похолодѣли ноги, показалось, что этого не можно вынести человѣку, а я самъ такой малюсенькій сталъ, несчастный, знаете ли, какъ цыпленокъ. Скоро изъ лѣса стали выходить фигуры—первые раненые, легко—въ руку или въ ногу. Мы пошли навстрѣчу, довели, перевязали, уложили. Потомъ появились санитарныя повозки, все больше, все чаще, начали подвозить уже на телѣгахъ раненыхъ нашихъ и австрійцевъ. Я, знаете ли, человѣкъ нервный, сначала превязывалъ, потомъ только таскалъ, а потомъ сѣлъ на землю и разревѣлся, до сихъ поръ стыдно вспоминать. Но удивительное мужество у русскаго солдата. Иной раненый говоритъ, что, молъ, я подожду, а вотъ моего товарища перевяжите, онъ потяжелѣе... И ни слова, ни звука не издастъ, хотя больно ему страшно. Раненый въ руку притаскиваетъ на плечахъ тѣхъ, кто не можетъ идти, а перевязанный иной даже посмѣивается. Австрійцы, тѣ кричатъ и плачутъ. Грохотало за лѣсомъ до самой ночи, въ сумеркахъ точно ракеты загорѣлись вдалекѣ въ воздухѣ—бѣлыя, розовыя, багровыя огни разрывовъ. Затѣмъ мы стали различать отдѣльные выстрѣлы, и наконецъ, канонада затихла, такъ тихо, точно все умерло. Я вышелъ въ поле, въ темнотѣ двигались послѣдніе раненые. Дойти до лѣса, посмотрѣть на то не хватило мужества.

— Да, знаете ли, артиллерія у насъ первый сортъ,—сказалъ на это офицеръ,—я самъ видѣлъ, какъ пѣхотные со слезами обнимали артиллеристовъ, и есть за что. Австрійцы никакъ не могутъ выдерживать нашего пріакельнаго огня. Лѣзутъ по нимъ два-три залпа, они и лѣзутъ изъ окоповъ, какъ тараканы, а снаряды разрываются всего сажени на полторы надъ землей, развѣ это возможно вытерпѣть? Вотъ недавно, вывозятъ они тяжелую ба-

тарю, прямо на пригорокъ, наглѣйшимъ образомъ, думали, что ихъ не достанутъ. Командиръ мнѣ и говоритъ: сколько по вашему верстъ—семь съ половиной? Установились мы въ бинокли, тѣмъ—команда крайнему орудію, смотримъ—перелетъ, измѣнили уголъ, да безъ всякихъ недолетовъ—бахъ, бахъ, бахъ изъ шести орудій. Тутъ я и увидѣлъ, какъ работаетъ наша тяжелая артиллерія—надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ пушки стояли, поднялось шесть столбовъ земли, полетѣли кверху всякія вещи и то мѣсто прямо закурилось. Отвѣтили они намъ только изъ двухъ орудій, а послѣ—второго залпа зажелтели. Говорилъ мнѣ одинъ ихній плѣнный полковникъ—насъ, говоритъ, обманули, увѣрили, что эта война будетъ вродѣ военной прогулки въ Кіевъ, а вотъ изъ моего полка осталось только семь человекъ, и самъ я въ плѣну, и бороться намъ съ вами невозможно. Сказалъ и заплакалъ: дайте, — говоритъ,—мнѣ револьверъ, я застрѣлюсь. Ну, револьверъ-то я ему, конечно, не далъ.

Разговоръ затянулся за полночь; когда я вышелъ опять на перронъ—стрѣлочниковъ уже не было. Всмотрѣваясь въ сырой надвинувшійся мракъ, я разглядѣлъ невдалекѣ скользящія тѣни, словно какія-то фигуры, согнувшись, перебѣгали по землѣ. Но это были лишь блѣны и тѣни отъ качаемаго вѣтромъ фонаря.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.

Подарки солдатамъ.

Недавно я подслушалъ искренній вопль гимназистки, которая жаловалась матери на свое дѣтское горе:

— Боже мой! Всѣ люди шьютъ бѣлье для раненыхъ, всѣ хлопчутъ, стараются, ходятъ за больными, — а я должна учить противную алгебру!..

Въ сущности, въ этой дѣтской жалобѣ гимназистки, какъ солнце въ каплѣ воды, отразилось все настроеніе современнаго русскаго общества.

Тяжело каждый день читать длинныя газетныя столбцы съ однимъ и тѣмъ же заголовкомъ: „убитые и раненые въ бою“.

Тяжело видѣть вагоны трамвая, гдѣ сидятъ и лежатъ люди съ забинтованными, бѣлыми головами.

Но въ эти скорбные дни военной страды мы всѣ находимъ душевный отдыхъ въ сердечномъ, трогательномъ единеніи русскіхъ людей.

Съ тѣхъ поръ, какъ я живу на свѣтѣ, я еще никогда не видѣлъ этого милого, добраго лица единой Россіи. И признаюсь, я даже не думалъ, что оно можетъ быть до такой степени прекрасное...

На каждомъ шагѣ, въ каждомъ домѣ и въ каждой лачугѣ теперь можно видѣть красоту души человѣческой.

Послушайте, что говоритъ молодежь, собирающая по домамъ бѣлье для раненыхъ. Какъ много заботы, любви, трогательнаго вниманія встрѣчаетъ она въ каждой квартирѣ, въ каждой хибаркѣ.

И чѣмъ бѣднѣе хибарка, тѣмъ горячѣе сердце.

— А самовары вамъ не требуются? — спрашиваетъ баба-стрипуха у сборщиковъ.

— Нѣтъ, самоваровъ не беремъ, не требуется.

— Какъ-такъ не требуется? Да вѣдь, нужно же раненому человѣку чайку напиться?

И баба настаиваетъ, споритъ и тычетъ своей самоваръ, хотя онъ у нея и единственный.

Очевидно, бываютъ въ жизни народовъ такія рѣдкія, свѣтлыя минуты, когда ничего не жалъ, когда на самыхъ угрюмыхъ лицахъ загорается отблескъ общаго чувства и въ самое ожесточенное сердце стучится любовь и состраданіе.

Но именно потому, что эти минуты рѣдки, какъ счастье на землѣ, я часто спрашиваю себя:

— А знаютъ ли тамъ, какое чувство горитъ сейчасъ въ сердцѣ Россіи? Знаютъ ли тѣ солдаты и офицеры, которые почуютъ въ лѣсахъ и болотахъ и стоятъ подъ дождемъ нѣмецкой ирантели — знаютъ ли они, что мысленно вся Россія, весь народъ русскій стоитъ съ ними и что туда, на позиціи, въ окопы и траншеи, тянутся всѣ надежды, всѣ упованія и вся любовь Россіи?

Было бы до боли жалко, если бы это чувство народное не долетало туда, на линію огня. Оно помогло бы въ тяжкую минуту боевой невзгоды и согрѣло бы душу при неизбѣжныхъ лишеніяхъ войны.

Вѣдь говорятъ, что сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Впрочемъ, отъ насъ самихъ до нѣкоторой степени зависить напомнить о себѣ и подать эту „вѣсть“ туда, на передовыя позиціи.

Я, по крайней мѣрѣ, не безъ чувства зависти смотрю на петербуржцевъ, которые додумались до хорошей мысли — послать въ дѣйствующую армію подарки солдатамъ.

Простая это мысль, но когда въ армію придетъ вагонъ со всякой всячиной — съ бѣльемъ, съ табакомъ, съ леденцами — и когда на вагонѣ будетъ надпись: „Отъ гражданъ Петрограда“ — это навѣрное обрадуетъ и тронетъ:

— Ага, значить, не забываютъ насъ земляки, гостинца прислали!

И вотъ, я думаю, что эта идея могла бы имѣть успѣхъ и у насъ, кіевлянъ.

Военному человѣку на походѣ все пригодится: и мыло, и махорка, и конвертъ съ почтовой бумагой, и папиросы, и „магги“ и пр. и пр.

Все это очень дешевая штука: на три цѣлковыхъ весь батальонъ закуритъ и, конечно, всякій изъ кѣвлянъ съ истиннымъ удовольствіемъ удѣлялъ бы толіку изъ своихъ достатковъ на „подарки солдатамъ“.

Весь вопросъ только въ томъ, какъ это сдѣлать?

Конечно, намъ, кѣвлянамъ, всего естественнѣе отправлять свои послылки въ тѣ полки, которые составляютъ постоянный гарнизонъ города Кіева:

— Въ дѣйствующую армію, командиру такого-то полка, для солдатъ *).

Но такъ какъ послылка не всякому доступна, то, можетъ быть, практичнѣе было бы, чтобы этимъ дѣломъ занялись благотворительныя общества, питательные пункты, учебныя заведенія, редакціи газетъ. Маленькіе подарки, — отъ куска мыла и пачки папиросъ, — стекаются куда-нибудь на питательный пунктъ, а здѣсь сортируются, упаковываются и отправляются по назначенію.

Я, конечно, высказываю только общую мысль: быть можетъ, кто-нибудь другой разработаетъ ее и лучше, и практичнѣе, чѣмъ я.

* Посылки до 12 ф. принимаются на почтѣ бесплатно, надо только, чтобы послылка не была упакована и запечатана.